

Хвастунишка

Фёдор Людоговский

Фёдор Людоговский

Хвастунишка

«Автор»

2026

Людоговский Ф.

Хвастунишка / Ф. Людоговский — «Автор», 2026

«Хвастунишка» — сборник сказок, рассказов, фантазий и стихотворений Фёдора Людоговского. Здесь летающие крокодилы отправляются на Марс, живой звездолёт влюбляется в Голубую звезду, старый чайник ждёт, когда снова станет кому-нибудь нужен, а город однажды встаёт и уходит с Земли. В этих текстах соседствуют детство и космос, дачная жизнь и будущее, смешное и печальное, семейная проза и философская фантастика. Это книга о дорогах, памяти, воображении и о надежде на то, что мир больше, добрее и страньше, чем кажется.

© Людоговский Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Вневремя	5
Мальчик и дорога	5
Девочка и мыльные пузыри	7
Люди и капли	8
Часть II. Там, в мирах иных и странных	9
Космос — место, где я живу	9
Добрый слон и Голубая звезда	11
Счастье	15
Уходя, гасите свет	17
Прогулка	20
«Расторгается явь...»	23
Музыка, свет, воздух	24
Ч	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Фёдор Людоговский

Хвастунишка

Вере — с любовью, сказками Брахмапутры и сердцем мастодонта.

Часть I. Вневременье

Мальчик и дорога

Жил-был один мальчик. Когда ему было лет пять, он начал сочинять истории про зверей. Он рассказывал их маме, когда они шли из детского сада. А папе не рассказывал, потому что стеснялся. В этих его историях звери всё время что-то строили. А ещё они всё время куда-то ехали. Ничего другого там и не происходило — только постройка каких-то диковинных теремов и движение по дороге. Куда ехали эти звери? — бог весть. Но мальчику было почему-то важно, чтобы они всё время куда-то ехали.

Шло время. Мальчику исполнилось двадцать, потом тридцать, затем сорок. Он защитился, женился, рукоположился. Учился, работал, служил. И время от времени пытался что-то писать. Писалось с трудом. Тугие сюжеты привлекали его — но не давались в руки. Ему были интересны люди — но он не мог их изобразить. Фантастическое будущее приветственно махало ему рукой — но превращалось в туман, едва он пытался ухватиться за эту руку.

Лучше всего — он давно понял это — ему удавались *взгляды нечто*. Но помимо этих расплывчатых форм, не лишённых, впрочем, некоторой красоты, его постоянно преследовал образ дороги. Это могла быть дорога, начинающаяся у крыльца его дома под Можайском и ведущая в неизведанные края — мимо столицы, мимо всех знакомых городов и сел. Это могла быть дорога на какой-то огромной планете — она сулила годы и годы путешествий. Это могла быть дорога, которую космический корабль сам прокладывает себе в космосе — от звезды к звезде, от галактики к галактике, от нашей Вселенной к иным вселенным.

Дорога манила его — как, должно быть, в своё время она манила Бильбо и Фродо. Мальчику казалось, что там, в конце, что-то ждёт его — неизведанное, чарующее, прекрасное. Он пытался писать — но дорога изворачивалась змейкой, приподнималась над землей, как девчоночья лента, парила над головой полотнищем огромных полотенец — и не давала себя разглядеть.

Мальчику исполнилось пятьдесят, шестьдесят, семьдесят. Ещё в детстве он решил, что хорошо бы дожить до восьмидесяти, а если повезёт — то до девяноста. Но к тому времени, когда ему исполнилось девяносто лет, медицина развилась настолько, что ему удалось прожить ещё тридцать с лишним лет.

Но потом мальчик всё-таки умер. И когда он умер, он увидел Дорогу. Он видел её впервые — но она была на удивление знакомой; она была доступной — и в то же время недостижимой, уютной — и головокружительно бесконечной. «Теперь я понял, — сказал себе мальчик. — Именно эта дорога и окликала меня всю мою жизнь. Я видел её — и одновременно не видел. Я пытался её описать — но земных слов и человеческих красок неостанет для этого».

Мальчик сделал шаг — и оказался на Дороге. Сделал ещё шаг — и вот уже не видно ни её начала, ни её конца. Он двинулся по ней вперёд — а впрочем, направления назад тут не существовало. Мальчику уже не нужно было писать о Дороге. Он шёл по ней — и постепенно сам становился Дорогой.

А снизу, задрав головы, смотрели на Дорогу новые мальчики и девочки. Они видели её — и одновременно не видели. Они выхватывали из карманов блокноты, расставляли мольберты, откидывали крышку фортепиано — и пытались изобразить то, что тревожило их душу.

Так было. И так оно будет всегда — до тех пор, пока все мы не станем путниками на этой Дороге, пока мы сами не станем Дорогой.

10 февраля 2017

Москва, Ново-Переделкино

Девочка и мыльные пузыри

Зелёная лужайка, залитая солнцем. На ней, глядя в небо, лежит девочка. Сколько ей лет? Это, конечно, странно, но точно сказать невозможно. Может быть, пять, а может — двенадцать. Но это не имеет значения. А имеет значение вот это: трава, солнце, девочка. Нет, я не берусь утверждать, что это солнце — именно наше Солнце. Возможно, это какое-то другое светило, природное или рукотворное, где-то в нашей галактике — или в какой-то иной вселенной. Но солнце светит, трава колыхается, девочка лежит и смотрит в небо.

Рядом с ней — мыльный раствор. Девочка окунает в раствор круглую рамку на палочке — и выдувает пузыри. Один за другим они поднимаются в небо, их плёнка, как и положено мыльной плёнке, переливается всеми цветами радуги. Интересно, что пузыри не лопаются, не опускаются в траву. Они поднимаются всё выше, и выше, и выше... А девочка выдувает всё новые пузыри...

Сколько она тут уже лежит? Может быть, она пришла на эту лужайку полчаса назад. А может, она лежит тут с утра, и скоро её позовут обедать. А может, она лежит под этим солнцем и смотрит в это небо уже годы, века, эпохи, эоны... Может быть, она пребывает здесь от начала? Или она была здесь всегда — до начала того, что мы зовём временем?

Девочка лежит на зелёной траве, под жёлтым солнцем, глядя в синее небо. Пузыри, переливаясь перламутром, устремляются ввысь... Куда они летят, мы не знаем.

Но мы уже понимаем, что это не закончится никогда.

28 мая 2022,

Банска Быстрица, Словакия

Люди и капли

Только что светило солнце — и вдруг потянул ветер, нагнал тучи. Сверкнули молнии, полил дождь. Если вы окажетесь в этот момент около реки, то увидите, как сотни, тысячи, мириады капель бомбардируют поверхность воды. Вряд ли вам удастся разглядеть лунку, оставленную на мгновение одной из капель, — и тем более будет трудно различить отдельную каплю в воздухе. Для наблюдателя капли сливаются в струи, струи при сильном ливне образуют сплошную стену дождя.

И всё же дождь состоит из капель. Капля образуется, отделяясь от облака, от тучи. И дальше она летит к земле, окружённая со всех сторон — справа, слева, спереди, сзади, сверху, снизу — десятками, сотнями, тысячами подобных капель. Все они отражаются друг в друге, все они похожи друг на друга. Все они вышли из тучи, плывущей по небу, и все они достигнут поверхности Земли: или суши, или, как в нашем случае, реки. Сколько времени занимает полёт капли? Несколько десятков секунд — вряд ли больше. И эти несколько десятков секунд — время жизни капли.

Но ведь капля — это вода, это молекулы воды. Оказавшись на земле, капля продолжает участвовать в естественном водовороте воды. Молекулы воды поднимутся в воздух в виде пара, сформируют новое облако, и из него снова пойдёт дождь. Новые капли вновь будут лететь к земле. Несколько десятков секунд — время их жизни.

И в то же время они живут миллиарды лет. Миллиарды лет они поднимаются в воздух и падают на землю, собираются в озёра — и текут в подземных реках. Когда-нибудь молекулы воды распадутся. Распадутся и атомы, из которых они состоят. Вероятно, не вечны даже кварки и электроны. Но материя (назовём ли мы её веществом или будем рассматривать её как энергию) — вечна.

Человек существует, пока находится в свободном падении. От облака, испустившего человека-каплю, до поверхности земли или воды — вот его путь. Сколько времени занимает этот путь? Несколько десятков лет. Вот время жизни человека.

И в то же время его жизнь не имеет конца. Равно как и начала.

Человек-капля рождается, умирает — и возрождается снова. Таков естественный круговорот человека в природе.

2 февраля 2022,

Банска Быстрица

Часть II. Там, в мирах иных и странных

Космос — место, где я живу

Из блога

В РФ сегодня — День космонавтики (пожалуй, это единственный праздник, который я рад взять с собой в новую страну). А в наших палестинах (точнее, европах) нынче Пасха.

Про Пасху/Песах напишут и без меня, а я хочу сказать о космосе.

Космос с детства завораживал меня. И не только тем, что в моём сознании он соединялся со светлым будущим, которое было нам показано в мире Полдня у Стругацких и в книгах Кира Булычёва. Помимо этого меня удивляли и продолжают удивлять эти масштабы и диапазоны: миллиарды лет позади — и бесчисленные триллиарды лет впереди; исчезающе малые размеры кварка — и галактические нити, протянувшиеся на десятки миллионов парсек; пустота межгалактического пространства — и безумная плотность нейтронных звёзд.

Для кого-то космос — абстракция. Для меня — это место, где я живу.

Вот я сижу на последнем этаже четырёхэтажного дома в Банской Быстрице — то ли на окраине этого городка, а то ли почти в центре (тут это трудно понять). Но чтобы начать подниматься над ББ, вовсе не нужна ракета — достаточно лишь толики воображения.

И вот я вижу горы, поля, леса, вижу реки... Если бы рубежи государств были бы прочерчены на земле так же, как это сделано на политических картах, я бы увидел границы Словакии. Вокруг — Чехия, Польша, Украина, Венгрия, Австрия. Я поднимаюсь ещё выше — и легко угадываю очертания Европы, этого сравнительно небольшого полуострова на северо-западе Евразии. Ещё выше — и я могу охватить взглядом всю Евразию, а где-то рядом, я знаю, — Африка, обе Америки, Австралия и Океания, а чуть подальше — Антарктида.

Я оказываюсь ещё выше (или ниже? или где-то сбоку?) — и вот я вижу всю Землю, а рядом — Луну. Земля — голубая с белым, Луна — жёлтовато-серая. Привычное по фотографиям, но от этого не менее завораживающее зрелище.

Ещё несколько миллионов километров над плоскостью эклиптики — и, если повезёт, издалека можно будет увидеть Венеру и Марс. Они маленькие, но яркие. Когда-нибудь я полечу и к ним, и к гиганту Юпитеру, и к красавцу Сатурну, но сейчас мне нужно дальше — *быстрее и выше!*

Три десятка тысяч парсек над плоскостью галактического диска — и передо мной открывается вид на Млечный путь во всём его великолепии. На Земле мы видим его с ребра — но даже и это волшебно. Что уж говорить о возможности лицезреть нашу галактику сверху, со всеми её рукавами. Кстати, вот там — рукав Ориона. И если хорошенько приглядеться, среди прочих ярких точек можно разглядеть наше Солнышко.

Я удаляюсь от Млечного пути — но зато теперь я могу увидеть галактику Андромеды. Если бы я и решился когда-нибудь сменить свою галактику на другую, то это была бы лишь Андромеда. Триллион звёзд, объединённых в восхитительную в своём совершенстве структуру! Когда-то две эти галактики столкнутся, перемешаются, сольются в одну, а несметное число звёзд будет выброшено во внешнее пространство. Но это будет потом — а сейчас я двигаюсь дальше.

Миллионы парсек позади — и я могу взглянуть со стороны на Местную группу. Десятки галактик, удерживаемых вместе силой тяготения. Среди них есть огромные, как Андромеда, и маленькие галактики-спутники, как, например, Магеллановы облака.

Я удаляюсь на десятки и сотни миллионов световых лет — и вижу, что Местная группа становится частью Местного листа, а Местный лист — частью Сверхскопления Девы. Дева оказывается вложенной в Ланиакею, а она — в галактическую нить Рыб-Кита.

И теперь я наблюдаю ту самую сеть, которую каждый из нас может увидеть на картинках: крупномасштабную структуру Вселенной, образованную галактическими нитями. Они напоминают грибницу, а ещё — нейронные структуры в нашем мозге.

Куда же дальше? Что я могу увидеть ещё? Если бы мне удалось покинуть пределы нашей Вселенной, то не исключено, что я бы увидел её снаружи — что-то вроде пузырька среди прочих пузырей, образующих первичную пену бытия.

И вполне возможно, что у каждого из этих пузырей есть бесчисленные двойники в параллельных мирах.

И ещё много чудесного и прекрасного может быть в этом мире — точнее, в этих мирах... в этой бесконечной череде мультиверсов.

...Вот здесь я и живу. И надеюсь жить ещё долго. Даже бесконечно, может быть. Потому что сегодняшний день обещает нам вечную жизнь. «Бог — не Бог мёртвых, но Бог живых». Очень хочется в это верить.

12 апреля 2020,

Банска Быстрица

Добрый слон и Голубая звезда

Жил да был звездолёт. И звали его Добрый слон. Он был живой — но никто из людей об этом не знал. Может быть, лишь Капитан о чём-то таком догадывался. Вечерами, стоя на смотровой палубе, он, бывало, разговаривал — то ли сам с собой, а то ли с кораблём. Иногда он по-приятельски похлопывал Доброго слона по стенам, приговаривая: «Ну ничего, Слонище, ничего, мы с тобой ещё летаем!» А иногда просто молчал и смотрел на звёзды.

Слон был поистине огромен. Одна лишь его команда состояла из трёхсот человек — а ведь было ещё две тысячи пассажиров. Слон был рейсовым кораблём: в центре Галактики он летал от одной звезды к другой — от белого карлика к красному гиганту. Вокруг красного гиганта вращалась небольшая планета, на которой жило очень много людей. Там были города, высоченные здания, скоростные дороги, воздушные такси... А у белого карлика была планета, где круглый год было тепло. Там были леса, реки, горы — и синее-синее небо. И вот люди с той планеты, где города, летали отдыхать на другую планету, где леса и реки. А отдохнув, они возвращались к себе домой. И Добрый слон возил их: туда-сюда, туда-сюда... А навстречу ему летел другой звездолёт — Дикий мустанг. Они встречались на середине пути, приветствовали друг друга — и двигались дальше, каждый в свою сторону.

Доброму слону нравилась эта работа. И его Капитану она тоже нравилась. Ведь вместе они приносили пользу людям. А что может быть важнее этого?

И всё бы было хорошо, но... Впрочем, почему «но»? То, о чём я хочу рассказать, тоже было хорошо, даже прекрасно. Но...

В общем, слушайте.

Путь от красного гиганта до белого карлика был не очень долгим — около трёх месяцев. Неделя на мелкий ремонт, на пополнение запасов — и в обратный путь. Обычно всё было спокойно: маршрут знакомый, никаких неожиданностей тут давно не случалось. Но дело в том, что примерно на половине дороги, как раз там, где встречались Добрый слон и Дикий мустанг, в стороне от их пути, всякий раз была видна красивая голубая звезда. Дикий мустанг был совершенно равнодушен к ней. Зато Добрый слон смотрел на неё — и не мог отвести глаз. Голубая звезда манила его. С каждым разом он влюблялся в неё всё больше и больше. С какого-то момента Капитан стал замечать, что корабль почему-то чуть отклоняется от своего маршрута. Это было непонятно: вроде бы тут не было никаких блуждающих планет, которые могли бы притягивать к себе звездолёт. Офицерам было невдомек, что это Добрый слон пытается оказаться хоть чуточку ближе к своей любимой. Конечно, курс подправляли, корабль возвращался на свой маршрут, прибывал в положенное время в пункт назначения... Всё было как всегда, все были довольны.

Но со временем Добрый слон стал тосковать. Он летел мимо Голубой звезды — и его сердце разрывалось от того, что они никогда не смогут быть вместе. С каждым новым рейсом он всё больше отклонялся в сторону. Капитан давно заметил, что это случается, когда они находятся поблизости от звезды такого необычного цвета. Но в чём именно было дело — об этом Капитан, конечно, не догадывался.

И вот настал день, когда Доброму слону стало совсем невмочь. Он летел от белого карлика к красному гиганту — и снова увидел Голубую звезду. И тут он забыл обо всём: о своём друге Капитане, о команде, о двух тысячах пассажиров...

Он отключил одну пару двигателей, добавил оборотов другой паре — и стал поворачивать.

Этот поворот нельзя было не заметить. Переполошились пассажиры, недоумевала команда... Но больше всего удивились, а потом и испугались дежурный офицер и Капитан. Звездолёт вышел из-под контроля! Жали на все кнопки, дергали рубильники, задействовали

аварийные протоколы — никакого результата. Корабль летел прямо на звезду. Быстро подсчитали: при такой скорости через двадцать дней корабль будет захвачен притяжением звезды, а ещё через трое суток — упадёт на неё.

Капитан мог принять решение самостоятельно, но он всё-таки созвал офицеров.

— Вы видите — что-то случилось с нашим Добрым слоном, — сказал Капитан. — Он словно обезумел и ломится через джунгли, не разбирая дороги. Что происходит — я не знаю. Он летит к той голубой звезде. И он увеличивает скорость. Может быть, там какая-то неизвестная нам цивилизация, и эти существа взяли под контроль наш звездолёт. А может быть, случилось что-то ещё. Но я думаю, что нам нельзя оставаться на этом корабле. Тем более мы не можем подвергать опасности жизнь пассажиров.

И офицеры согласились со своим Капитаном. Была объявлена эвакуация. Пассажирам было велено взять всё самое необходимое. Все расселись по спасательным катерам и покинули звездолёт.

Капитан, как и положено, ушёл с корабля последним.

— Что же случилось с тобой, Слонище? — грустно сказал он, поглаживая стену на смотровой палубе. — Куда ты несёшься, что манит тебя там? Звезда? Да, наверное, вот эта Голубая звезда. Она мне тоже полюбилась. Я бы остался с тобой — но я не могу бросить команду и пассажиров. Поэтому давай простимся. Ты был хорошим другом. Может быть, мы ещё встретимся.

И Капитан сел в последний катер — и все они двинулись в сторону дома. Через две недели их подобрал Дикий мустанг и доставил на планету с городами и воздушными такси.

А Добрый слон мчался прямо к Голубой звезде, всё набирая скорость, так что он оказался захвачен её притяжением не через двадцать дней, а уже через неделю. Но к тому времени у Доброго слона закончилось топливо — всё оно ушло на головокружительный разгон. И теперь он не мог затормозить, даже если бы и захотел. Теперь уже сама звезда тянула его к себе, и его скорость снова стала нарастать.

Понимал ли он, что умрёт? Понимал ли он, что объятия его возлюбленной будут недолгими, но смертельными для него? Вряд ли Добрый слон думал об этом. Он лишь видел перед собой ту, кого любил уже много лет, о ком грезил во всех своих рейсах — и у белого карлика, и около красного гиганта. Он, немолодой уже звездолёт, устремлялся к ней с юношеским пылом, желая лишь одного: слиться с ней, погрузиться в неё целиком, замерев в блаженстве.

Но тут произошло такое, что заставило Доброго слона закричать от душевной боли. Только почти уже приблизившись к звезде, он понял, что они не одни. Недалеко от него была планета, вращавшаяся вокруг Голубой звезды. И по мере того как корабль летел по прямой, планета двигалась по своей орбите. И их маршруты пересекались! Звездолёт не мог долететь до своей любимой — ему суждено было столкнуться с планетой и бессмысленно погибнуть, когда его счастье было так близко!

До столкновения оставалось несколько часов. От отчаяния Добрый слон утратил способность думать. Он обреченно летел по прямой, не веря своему чудовищному невезению. Топлива уже не было — он не мог ни затормозить, ни изменить курс. Слон ругал себя за неосмотрительность — но как это могло ему теперь помочь!

И вот уже видна планета. Видны её океаны, континенты. Видны горы, покрытые снегом. Планета пока что ещё в стороне, но они сближаются. Ещё десять минут — и произойдёт катастрофа. Однако столкновение не должно было произойти лоб в лоб — планета почти целиком прошла бы перед ним, и ему предстояло врезаться в её бок. И это было обидно вдвойне!

И тут Добрый слон вспомнил про воду. У него на борту осталось огромное количество питьевой воды. Нельзя было терять ни секунды! За семь минут Добрый слон перекачал всю воду, что была на правом борту, на левый борт. К этому моменту он уже вошёл в верхние слои атмосферы. От жара лопались верхние слои обшивки. Слева стремительно приближалась

поверхность планеты. Он уже видел лес, который должен был стать последним его пристанищем. И в этот момент звездолёт дал команду насосам — и вода под огромным давлением стала вырываться со стороны левого борта. Корабль был очень тяжёлым, поэтому он только совсем немного изменил своё направление. Он всё равно поломал, поджёг и тут же залил водой деревья, оставил посреди леса глубокую борозду — но его скорость была столь огромной, что, чиркнув по планете, он вновь понёсся в небо, в космос — к Голубой звезде.

И вот уже до звезды рукой подать. Но что это? Скорость звездолёта стала падать. Он летел всё медленнее и медленнее — а потом стал отдаляться от Голубой звезды и снова приближаться к планете.

На сей раз столкновение ему не грозило. Но и радоваться было нечему: Добрый слон стал спутником планеты. Виток за витком ему предстояло двигаться по чрезвычайно вытянутой орбите. В одной из крайних её точек он подходил довольно близко к своей любимой — но притяжение планеты дергало его назад, и он вновь уносился на сотни тысяч километров. При этом всякий раз, когда он приближался к планете, он вновь входил в верхние слои атмосферы. А это означало, что его скорость постепенно снижалась и рано или поздно ему всё же было суждено упасть и разбиться.

И всё же Добрый слон был благодарен судьбе. Никогда в своей жизни он не был так близок к Голубой звезде. Да, сейчас он видел её лишь мельком — словно какой-то злой мальчишка играл им как мячиком на резинке: бросит вперёд — и дёрнет назад, бросит — и снова дёрнет. Но и эти мгновения были драгоценны для Доброго слона. Он любовался красотой своей любимой и с замиранием сердца ждал каждого нового возвращения.

Так продолжалось несколько недель. И с каждым витком скорость звездолёта падала, и он всё глубже погружался в атмосферу. Его обшивка обгорела, а стекла на обзорной палубе, где так любил стоять Капитан, уцелели лишь каким-то чудом... Если бы люди увидели его сейчас, они бы пришли в ужас. Но смотреть на него было некому — разве что Голубой звезде. Но она никак не давала знать Доброму слону, что вообще замечает его.

Наш звездолёт уже совсем покорился своей горькой судьбине и со дня на день ждал неминуемой гибели. Но тут-то и пришло спасение.

Капитан не смог бросить своего друга, не попытавшись его разыскать. Он убедил своих начальников снарядить спасательную экспедицию. Кого-нибудь другого и слушать бы не стали, но из уважения к заслугам и опыту Капитана начальство разрешило ему отправиться на поиски Доброго слона. Для этого с рейса сняли Дикого мустанга и направили его к Голубой звезде.

Долго ли, коротко ли, но через три недели поисков Дикий мустанг засек радиосигнал Доброго слона. И ещё через два дня он нашёл своего приятеля.

Положение было крайне сложным. Но капитан Дикого мустанга сказал: «Мы спасём твоего Слона, чего бы это ни стоило. Ну а если нам суждено погибнуть — погибнем вместе!» — «Нет, — сказал Капитан Доброго слона, — нет, мы не погибнем, вот увидишь! Мы спасём его!»

И они его спасли. Дикий мустанг догнал Доброго слона и осторожно пристыковался к нему. Капитан вступил на борт своего звездолёта. Как же рад был Добрый слон видеть своего Капитана! И как стыдно было ему за свою безрассудность. «Ничего, — сказал Капитан, похлопывая Доброго слона по стене, — ничего, Слонище, мы ещё летаем!»

А потом команда Дикого мустанга крепко-накрепко соединила два корабля друг с другом. И Мустанг, который был под завязку заправлен топливом, медленно начал набирать скорость. Как и Добрый слон, он стал спутником планеты — но теперь они оба должны были преодолеть её притяжение, а затем — и притяжение Голубой звезды. И им это удалось!

После всех этих приключений Доброго слона долго ремонтировали. Сперва даже думали его списать, но, кроме Дикого мустанга, других таких кораблей поблизости не было. Да и не для того, в конце концов, его спасали, чтобы потом отдать на металлолом.

Прошёл год. И вот Добрый слон вновь отправился в рейс. Трудно сказать, понял ли Капитан, что произошло тогда. Так или иначе, он поговорил с главным механиком: можно ли как-то так проложить курс, чтобы он пролегал чуть ближе к Голубой звезде? И механик посчитал и ответил, что да, пожалуй, так можно. Это потребует чуть больше топлива, но допустимая норма превышена не будет.

И с тех пор в каждом рейсе Добрый слон с разрешения своего друга Капитана чуть отклоняется от курса и подлетает немного ближе к Голубой звезде. Мгновение он с восхищением смотрит на свою возлюбленную, а потом продолжает путь. И все пассажиры тоже смотрят на Голубую звезду и удивляются её красоте.

И кто знает: возможно, в один прекрасный день та планета, что пленила Доброго слона, тоже будет заселена? И тогда наш Слон будет возить людей уже туда? Что ж, очень может быть, что именно так всё и будет.

4 мая 2017,

Москва, Ново-Переделкино

Счастье

Девяносто лет — это время, когда сбываются мечты. О чём я мечтал всю жизнь? Может быть, кому-то это покажется чересчур прозаичным, но я всегда хотел, чтобы у меня был свой дом — большой, просторный деревянный дом, куда не стыдно приглашать гостей, где можно собирать по праздникам многочисленных родственников, дом, в котором будет не тесно и не скучно детям, внукам и правнукам.

И вот всё это осуществилось. Каждое утро я просыпаюсь под шум сосен, растущих около нашего дома, на берегу реки. Жена ещё спит. Она у меня известная соня. Этой ночью прошёл дождь. Даже ливень. Теперь я припоминаю (когда просыпаешься утром, не всегда легко отличить сон от яви): в середине ночи меня разбудил гром — как будто взрыв. Сверкание зарниц, грохот струй, обрушивающихся на крышу дома...

Я открываю окно. Свежий, влажный воздух заполняет лёгкие, бодрит, радует, вдохновляет.

Начало нового дня — это прекрасно.

Спускаюсь вниз. Моя приятная обязанность — готовить завтрак для нас двоих. Конечно, можно было бы поручить это Джеку — он, должно быть, справился бы не хуже. Но — зачем? Джеку и так есть чем заняться: уборка дома, полив сада, поддержание в исправности всякой нашей техники — всё это лежит на его механических плечах. А о своей любимой я лучше позабочусь сам.

Наша длинная жизнь была довольно суматошной. Дети, работа, переезды, экономические и психологические кризисы, удачи и провалы — хватало всего. Недоставало лишь одного: возможности побыть вместе — вдвоём, наедине.

И вот теперь мы наслаждаемся общением друг с другом. Можно почти и не говорить. Просто посидеть вместе за завтраком. Пройтись по берегу реки. Покачаться, обнявшись, на качелях. Позвонить детям и пересказать друг другу услышанные новости. Поговорить о внуках — иные из наших детей и сами вот-вот станут дедушками и бабушками. Накинуть плед на плечи жены, когда она читает книгу в беседке. Поцеловать на ночь.

Но до ночи ещё далеко — пока что я лишь готовлю завтрак. Жена любит по утрам тосты и кофе, а я по многолетней привычке ем овсянку и пью молоко.

В девяносто лет можно уже никуда не торопиться — и это замечательно. Но я не бездельничаю: я по-прежнему пишу. Хотя теперь это всё больше не романы и рассказы, а мемуары. А ещё я, как и раньше, пишу научно-популярные книги. Сегодня надо будет пообщаться с моим издателем — обсудить дальнейшие перспективы.

Вам странно, что я говорю о перспективах? Вы думаете, что в девяносто лет нужно лишь доживать отпущенный срок? Ладно-ладно, доживёте до девяноста — поговорим. А у меня сегодня в два часа пополудни — встреча в голографической телегостиной с людьми, которые старше меня на тридцать — тридцать пять лет. Собственно говоря, одна из них — моя троюродная тётка. И вот они расскажут нам, молодым и зелёным, как им живётся в сто двадцать с лишним лет и какие у них планы на будущее.

Да, приятно всё-таки помечтать. Что ни говори, а хочется пожить ещё — и дожидаться появления праправнуков, а то и их детей. А ведь эти поколения, пожалуй, могут рассчитывать на жизнь лет до ста пятидесяти — ста семидесяти. Вот это, доложу я вам, перспективы! Это уже серьёзно. Такие как я будут смотреться рядом с ними просто детишками.

...Что-то я зафантазировался. Надо идти поднимать жену. Она любит понежиться в постели, но сейчас уже пора — мы ведь хотели утром съездить к водопаду неподалёку. Это, конечно, не Ниагара, но по-своему очень мило. Во всяком случае, для наших мест.

Кстати, и сила тяжести здесь тоже будто игрушечная — детям весело, старикам легко. Солнце отсюда далековато, но у нас тут есть и своё солнце — рукотворное. Наука не стоит на месте. Как-никак, на дворе нынче 2066 год.

Я ведь, кажется, ещё не говорил, что у меня была и другая детская мечта — долететь до Марса? А может быть, даже и пожить на Красной планете.

Так вот: как я уже и сказал, девяносто лет — это время, когда сбываются мечты.

20 июля 2016, Затишье,

Московская область, Россия, Земля /

20 июля 2066, Новое Затишье, округ Крэниир,

Канадские территории, Марс

Уходя, гасите свет

Подражание Азимову

Профессор к2НГОлобгррь00ГШ вздохнул: пора отправляться домой, а для этого прежде всего нужно выбраться из уютного кресла, что, кстати, не так-то просто — за последний год поднабрался лишний десяток килограммов (в дополнение к уже имевшимся полутора центнерам). С другой стороны — не сидеть же тут целый день. Дома ждёт жена с ужином — вот и стимул для движения.

Покряхтывая, к2НГОлобгррь00ГШ встал на ноги и распрямился. Хвала богам — хоть он и толст, как канстрикианский драгомюл, но все шесть нижних конечностей пока что служат ему верой и правдой.

— бпъН79ыц, — обратился он к своему дипломнику, — как закончите — погасите свет. И не забудьте отключить вычислитель.

— Хорошо, профессор, — ответил молодой человек, почтительно вставая из-за стола.

— Ну так до завтра. — Но в дверях он обернулся:

— Да, знаете, мне всё-таки кажется, что вы допустили чрезмерное упрощение. Одна голова вместо трёх — это может существенно сказаться на конечном результате.

— Конечно, профессор, я с вами согласен, — ответил студент, — но ведь экономия...

— Эх, экономия, будь она неладна! Да... Ну хорошо, не засиживайтесь тут слишком долго. Да у вас и не получится: лимит!

На самом деле пожертвовать пришлось не только головами. В моделируемой Вселенной бпъН79ыц был вынужден оставить лишь три пространственных измерения из десяти, четыре фундаментальных взаимодействия из семи (энергетическая комиссия настаивала на трёх, но тут уж вмешался профессор и просто поднял на смех этих чиновников, которые мнили себя физиками и математиками в одном флаконе: мир без гравитации — это, конечно, забавная шутка, но как-нибудь в другой раз, спасибо). Насчёт голов (а также рук, ног и прочих конечностей) возражал уже сам к2НГОлобгррь00ГШ, но оба они понимали, что тут уж либо — либо: либо утратится ещё одно измерение, либо упростится морфология живых существ.

Всё шло по плану: Вселенная родилась, начала разлетаться. Вот уже формируются звёзды, появляются галактики... Вот и второе поколение звёзд, формирование планет, возникновение сложных органических соединений...

В лаборатории зазвонил телефон.

— Алло, — проговорил в трубке знакомый голос, и все сердца бпъН79ыц сразу вошли в резонанс, — ты там один?

— Да, а890ен, один, к2НГОлобгррь00ГШ ушёл час назад. Ты придёшь?

— Приду, если ты не против, — кокетливо ответила девушка. — Минут через двадцать.

Прошло, конечно, не двадцать, а все пятьдесят минут, но бпъН79ыц уже не удивлялся: это ему надо было на сборы триста секунд, а женщины — дело другое. Но она пришла — и это главное.

А во Вселенной к этому времени дела шли в гору: некоторые обитатели океанов уже вышли на сушу, влажный воздух рассекали крылья гигантских ящеров...

— бпъН79ыц, ну отвлекись ты на минутку, — обиженно проговорила а890ен. — Ты совсем не обращаешь на меня внимания. Или мне уйти? — сказала она, надув губки. Надула

губки, впрочем, лишь одна из голов, другая и вовсе обиженно смотрела в сторону, зато третья не скрывала влюбленной восторженности.

— а890ен, дорогая, не обижайся. Видишь ли, у меня тут важный эксперимент, а эти умники из ЭК дали мне только пять часов, да и то ночью — так, мол, дешевле. Кончатся пять часов — и всё, лимит, вычислитель отключится автоматически. Но я надеюсь всё закончить за четыре часа. Правда, сэкономленный час мне никто не вернёт. Ну как тут можно заниматься наукой!

— Да ты объясни, в чём твой эксперимент-то заключается, — сказала она, подвигаясь поближе к бпъН79ыц (конечно, исключительно ради того, чтобы удобнее было смотреть в экран вычислителя).

— Ну смотри, — начал он, изо всех сил стараясь не переходить на тот снисходительный тон, который столь естествен при разговоре с неспециалистами. — Моя задача — смоделировать Вселенную, убедиться в том, что в ней возникают носители субъектности...

— Кто-то?

— Разумные существа. Так понятнее? Ну-ну, не дуйся. Так вот, разумные существа. А дальше эти существа наверняка захотят знать, как устроен их мир, дойти, так сказать до самой сути.

— Ну, может, и захотят. А тебе-то какой интерес?

— А я хочу проверить свою гипотезу. Я предполагаю, что им самим удастся построить теорию, которая, с их точки зрения, будет объяснением всего сущего. Попросту говоря, они смогут сформулировать те параметры, которые я заложил в свою математическую модель.

— А-а, понятно, — довольно равнодушно проговорила а890ен.

Этот дурачок, в которого она втрескалась ещё две недели назад, мог часами говорить о своей науке. Сама она училась на медицинском, и нельзя сказать, чтобы ей было совсем неинтересно. На следующий год ей тоже писать диплом, и у неё уже были кое-какие мысли на этот счёт. Но ведь надо понимать, что когда к тебе пришла девушка, то можно найти и куда более подходящие занятия!

— Ладно, — сказала она усталым голосом. — Ты тут давай, двигай науку, а я посижу в кресле. Профессор, надеюсь, не будет возражать? — И, хмыкнув, она забралась в кресло с ногами.

— Да-да, — рассеянно ответил бпъН79ыц, — ты посиди пока, я сейчас.

...А вот и они — разумные. Смешные получились: одна голова, две верхних конечности, две нижних. Уродцы, конечно. Но на первый раз так. Как говорится в подобных случаях: будем надеяться, что тема, ставшая предметом исследования в дипломной работе, получит своё развитие в диссертационном исследовании. А пока что — пять часов машинного времени.

— бпъН79ыц, — Расскажи мне что-нибудь. И иди сюда, поближе! Что мне с тобой — через всю комнату перекрикиваться?

...А тут как раз дела завертелись нешуточные: стали образовываться государства, появилась письменность...

— Ну тогда я пошла. — а890ен сделала движение, будто и в самом деле собиралась встать. Но этого нельзя было допустить. Хоть и не вовремя — но если не отозваться, то ведь уйдёт. И, пожалуй, больше не появится.

...Царство шло войной на царство, рождались и гибли империи...

Кресло было одно, так что сесть рядом с ней было особенно некуда. Но а890ен просто взяла его за руку и потянула к себе. И через минуту они уже целовались, забыв обо всём...

— Дамы и господа, сегодня — знаменательный день не только для нашего проекта, но, без всякого преувеличения, и для всего человечества. Мы имеем честь сообщить вам о том, что мы разгадали тайну тёмной материи: её состав, происхождение и значение для нашей вселенной получили надежное объяснение!

(Бурные аплодисменты.)

— И я с удовольствием предоставляю слово главе научной коллаборации, добившейся столь значимых успехов, — профессору Ричарду Джонсону.

(Бурные аплодисменты, переходящие в овации.)

— Уважаемые коллеги! Буду краток. На сегодняшний день... Простите?

В зале начинался какой-то переполох. Оглядевшись по сторонам, Джонсон заметил то, чего, собственно говоря, не заметить было трудно: везде погас свет. А через несколько секунд потянуло холодом. Последнее, что успел заметить и осознать учёный, — стены зала стали таять и рассыпаться. Но в этот же момент растаял и рассыпался и сам профессор.

Раздался звук зуммера. бпъН79ьц вздрогнул и оторвался от а890ен.

— Всё кончилось, он выключился! — завопил дипломник.

— Но результаты-то он тебе, наверное, распечатал. — а890ен расслабленно лежала в кресле.

— Да, результаты распечатал, — согласился бпъН79ьц.

— Ну так и иди сюда, глупыш!

И весь мир вновь исчез для них обоих.

15 января 2012

(ред. 2024/2025)

Прогулка

Пленарное заседание закончилось, и народ радостно повалил в фойе, где учёных мужей и жен уже ждали бутерброды, пирожки и чай с кофе — кто что любит.

Отец Константин Судзиловский оказался около бутербродов в числе первых: ещё перед началом конференции он занял место поближе к выходу, а поскольку его доклад был в середине заседания, то он успел своевременно вернуться на исходные позиции — и теперь вот подкреплял слабые силы чем Бог послал (послал, надо отметить, при посредстве Академии наук и Администрации президента). Впрочем, тут же случилось досадное осложнение: около отца Константина неожиданно нарисовался юркий мужичонка неопределенного возраста в поношенном пиджаке, который, странно подхихикивая и обнажая рот в щербатой улыбке, по-свойски обратился к коллеге:

— Вы, батюшка, как полагаете: рыбу-то сегодня можно ведь есть? Сегодня ведь Златоуста память, святителя нашего!

— Думаю, не возбраняется.

Отец Константин постарался быть подчеркнуто немногословным, однако с тоскливым чувством сознавал, что потертый ревнитель так просто не отвяжется. Надо было что-то срочно делать. Старый испытанный приём: «вдруг» узреть какого-нибудь знакомого, с которым сто лет не виделся, которого никак нельзя упустить, нужно срочно к нему подойти. Да, точно: извиниться и, не дав возможности мужичонке открыть рот, быстро ретироваться...

Но, видно, сегодня всё шло как-то не так («Приходится расплачиваться за бесплатные бутерброды», — усмехнулся Судзиловский). Плавной походкой, с широкой улыбкой, с понижением собственной приятности и значительности, к отцу Константину плыл Эрнест Платонович Муравьёв-Апостол — замдиректора института.

— Отче, позвольте облобызать! — пророкотал он бархатным баритоном. — Понравился мне ваш доклад, понравился, — продолжил он, угощаясь растворимым кофе со сливками из пластиковой коробочки. — Я знаю, вы не любитель всякой старины. Но нельзя же ведь идти против очевидности: новый стиль действительно ломает весь церковный устав — вы это очень хорошо показали. Не зря же греки с болгарами фактически перешли на совершенно другой устав — и теперь вот служат всенощную за сорок минут! Чудаки!

— Эрнест Платонович, Эрнест Платонович! — К Муравьёву-Апостолу бежала запыхавшаяся секретарь Ниночка. — Эрнест Платонович! Ах, здравствуйте, Константин Александрович!... Эрнест Платонович, пожалуйста, подпишите!

Муравьёв достал ручку, надел очки, пробежал глазами документ... «Так, вот сейчас!» — понял отец Константин.

— Прошу прощения... — он неопределённо кивнул куда-то в сторону зала заседаний и тут же, не дожидаясь ответа апостолического начальника, устремился — но в совершенно противоположную сторону.

Он знал, что если выйти в коридор и зайти за угол, то можно будет подняться по неприметной лесенке на следующий, сто тринадцатый этаж — и там побыть в тишине и одиночестве, пока ещё остаётся почти что час до начала секционных заседаний. («А умный в одиночестве гуляет кругами, он ценит одиночество превыше всего» — всплыла в голове старинная песенка; отец Константин без ложной скромности считал себя умным.)

Надо бы позвонить жене... Нет, не подходит. Он просмотрел новые сообщения. Так, зовут на конференцию — юбилей первого вселенского собора. Серьёзные люди, однако: рассылают приглашения за три года до обозначенной даты. С другой стороны, это правильно: юбилей-то не какой-нибудь там — двадцать веков, не шутка. Пожалуй, стоит съездить...

Его мысли вернулись к нынешней конференции. Календарный вопрос — вовсе не та тема, которая его интересовала. Но институтское начальство сказала: надо. Ну что ж, надо так надо. В принципе, есть что сказать. Да и получилось, вроде бы, неплохо. Сам же отец Константин с гораздо большим удовольствием и увлечением рассказал бы об акафистах. Буквально недавно ему попался преинтереснейший экземпляр: адресован мученикам Олимпийским («Олимп — самая высокая гора в Солнечной системе», как пишут в школьных учебниках), содержит не 24 строфы в основной части, а 26, благодаря чему появляется возможность использовать весь английский алфавит в качестве акростиха. Хайретизмы недлинные, с последовательно проведённым параллелизмом и, чего почти никогда не бывает, с эпифорой! Да, но вряд ли широкая аудитория способна оценить такие красоты...

Кстати, насчёт красот: вид из окна — хотя отец Константин давно должен был к этому привыкнуть — и в самом деле производил сильное впечатление. Здание Академии наук, и само по себе немаленькое — сто пятьдесят этажей, — стояло на возвышенности. Из окон с противоположной стороны здания был виден весь Петрополис — но вид на город не шёл ни в какое сравнение с тем зрелищем, которое открывалось сейчас глазам акафистоведа.

Внизу расстился зелёный ковер. Можно было подумать, что это газон, но отец Константин знал, что колеблемые ветром травинки — ригелианские дубы, высотой в пятьдесят метров и возрастом лет в полтора. Дальше, почти на линии горизонта, виднелись скалистые горы — невысокая, но сплошная цепь, которая окружала и город, и этот огромный лес. Лира уже садилась, отбрасывая свой неяркий свет на склоны гор; но Арфа, её старший компаньон и главное солнце Ифигении, стояла ещё высоко в небе.

Ифигения совершала оборот вокруг Арфы за пятнадцать земных лет. За это время Лира трижды подходила к главной звезде и её планете на столь близкое расстояние, что две звезды на ифигенийском небосклоне можно было бы перепутать, если бы не зеленоватый оттенок Лиры, какого никогда не бывает у Арфы.

«Как странно, — подумал отец Константин. — В церкви мы живём по двойному календарю — юлианскому и григорианскому, привычно указываем все даты через дробь. За пределами же церкви никто уже, кроме историков, здесь, на Ифигении, не вспоминает о «старом стиле»: здесь уже двести с лишним лет идёт конкуренция между земным календарём и системой, основанной на местных константах: сутки — 30,5 земных часов, год — 15 земных лет, цикл Лиры — пять лет... Мы празднуем Пасху по юлианскому календарю — но, честно говоря, хоть бы и по григорианскому, шестнадцать дней разницы погоды не делают: в этот раз Пасха пришлась на весну, а следующий раз это будет... опять весна. А ещё через десять лет — зима. Но что же тут поделаешь?..»

И правда: было бы наивно думать, что он прямо сейчас, не отходя от кассы, решит эту проблему. А вот как распорядиться оставшимся до следующего заседания временем — вот это был бы очень правильный вопрос. Собственно говоря, отец Константин уже доложил. Конечно, дальше надо идти на какую-нибудь секцию — но как же не хочется! А может, и не надо? Регистрация уже прошла, гостей сегодня много, докладчики без слушателей не остаются...

За пару минут лифт спустил прогульщика на нижний уровень. Сняв рясу и подрясник и зажав их комом в рюкзак, отец Константин вышел из здания Ифигенийской Академии наук и вскоре уже углубился в дубовый лес. Если не пойдёт дождь, то это будет хорошая прогулка: до гор можно будет дойти бодрым шагом часа за три. Помнится, там была такая симпатичная тропинка, выводила прямо на гребень...

А ведь если подумать: последний раз он ходил этим маршрутом лет семь назад.

Земных лет, конечно.

13/29 ноября 2322,

Петрополис, Ифигения /

2013, Москва, Земля

«Расторгается явь...»

Расторгается явь,
Подымается навь,
Бредёт в полночи,
В тиши.

И сорвалась звезда,
Задрожала луна,
Солнце сумрачно —
Висит.

Все галактики — вспять,
И стремится собрать
Мир себя вновь
Воедино.

Порождённый огнём,
Опалённый огнём,
Он очистится им
Навек.

Оборвался ток лет,
Облака текут в свет,
У порога —
Денми
Ветх.

*17 апреля 1998, Москва,
Ново-Переделкино*

Музыка, свет, воздух

В начале была музыка. И был свет. А ещё был воздух. Воздух — не в смысле смеси кислорода и азота: всё это возникло позже. Но воздух — как музыка. Воздух — как свет. Воздух — как жизнь и предощущение жизни.

А потом... Ну вы же всё знаете. Потом были звёзды и чёрные дыры, галактики и суперкластеры, стены и войды... Возникли частицы, потом — атомы, молекулы, аминокислоты. Появилась жизнь. Из океана она выбралась на сушу, полетела по небу, снова спустилась в океан. Древние человекообразные распрямились, взглянули на звёзды — и задумались.

А дальше была вся известная нам человеческая история. И постчеловеческая, трансгуманистическая история — это тоже всё было.

И прошло.

Многоцветье мира стало тускнеть. Музыка всё ещё звучала, но постепенно не осталось никого, кто мог бы её услышать. Свет струился, но некому было полюбоваться им. Воздух — о, воздух был щедр, как и прежде, он всё так же дарил предощущение жизни, но живых в этой вселенной уже никого не было.

И вот так постепенно погасли все звёзды, испарились последние чёрные дыры, за космологический горизонт улетели последние нейтрино и фотоны — и всё замерло. Время остановилось. Больше не было ни цветов, ни запахов, ни звуков, ни движения.

Казалось, можно было уже закрывать лавочку, снимать вывеску постоянного двора. Никто не придёт на огонёк, не для кого растапливать камин.

И тут... И вдруг... В общем, вы не поверите. Как раз в тот момент (момент? — хе-хе), когда всё вроде бы уже было кончено, вдруг снова проступили краски. Каким-то непостижимым образом всё снова стало зримым и осязаемым. Все звёзды, которые когда-либо были в этой вселенной, все атомы, все птеродактили и бурундуки, все люди и все андроиды, все собаки и все коты (и, конечно, все аквариумные рыбки и хомяки) — они все оказались тут, на поверхности, в яви.

Все изумлённо смотрели друг на друга, не в силах понять, что же произошло. Но, скажу честно, и я не понимаю, что же там случилось. Да и вам не стоит пытаться это постичь. Случилось — и случилось. Так что можно просто порадоваться, а не ломать голову.

И снова стала слышна музыка — появились те, кто мог её слышать. И лился свет. И веял воздух.

И на этом фоне послышалась новая мелодия. И стал виден новый источник света. И заколебались волны иного воздуха — иного, но столь же прекрасного.

И все повернули головы. О! Да. Это была знакомая картина. «Всё, как было у нас», — подумал каждый из тех, кто был при этом. «Но — всё по-другому», — была следующая их мысль.

И *они*, хоть и не сразу, заметили и поняли, что сами стали источником музыки, света и волн воздуха. Они и были — музыкой, светом и воздухом. И не было никакого *они*. Не было даже никакого *мы*. Было Единое. И это Единое было Творцом и творением.

«Боже, как это чудесно!» — подумали Они. Подумала Она. Подумало Оно.

«Боже!» — повторили они. И тут же каждый из них откликнулся: «Да, это я. Я слышу тебя! Я вижу тебя! Я чувствую тебя! Я — это ты. Я — это мы. Мы — это они».

И звучала музыка. И лился свет. И веял воздух.

И если бы кто-то мог наблюдать всю эту картину со стороны, то он увидел бы, как возникают, и расширяются, и тускнеют, и снова вспыхивают тысячи, мириады, бесчисленные множества новых миров.

Но всё это — один мир.

Всё это —
единый воздух,
единый свет,
одна-единственная на всех музыка.
1 ноября 2024,
Банска Быстрица

Ч

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.